

ний. Выходными днями считались воскресенья и праздничные дни, но и в эти дни дежурные воспитанники выполняли необходимую работу по самообслуживанию, по уходу за скотом и т. д. Что интересно, учебный год в рассматриваемых учреждениях не во всех начинался осенью, как это обычно было принято. Например, в Аксеновском НСХУ учебный год совпадал с началом календарного, так, теоретические занятия начинались с 10 января по 15 апреля, затем весенне-летние сельскохозяйственные практические занятия, с 1 сентября по 15 декабря снова классные занятия. В целом, в этом училище, на теоретические занятия отводилось до 200, на сельскохозяйственные – до 140 дней. Каникулы составляли всего 20–25 дней. Во всех школах производились переводные и выпускные экзамены, по теоретическим предметам в конце учебного года, по специально-практическим – осенью. Ученики, не выдержавшие экзаменов, оставались на повторный год, но не более двух раз за весь срок обучения.

Воспитанники, успешно сдавшие выпускные экзамены, должны были по специальности проработать один год в каком-либо хозяйстве, «причем каждые четыре месяца писать отчет о своих действиях и наблюдениях, удостоверенный хозяином». Только после такого испытания воспитанники НСХШ и НСХУ считались выпускниками, им выдавался аттестат. Выпускникам не менее 5 лет проработавшим по специальности, присваивалось звание личного почетного гражданина, если они по происхождению не имели прав более высокого состояния. Необходимо отметить, что не все учащиеся, в силу финансовых затруднений и других причин, заканчивали полный курс, например, Аксеновское НСХУ за 13 первых лет деятельности подготовило 120 человек, из которых только около 45% работали по специальности. Но в последнее предреволюционное десятилетие рассматриваемые школы и училища стали выпускать большее количество специалистов.

Таким образом, названные школы и училища стали основной формой профессионального образования дореволюционной Башкирии, нацеленного на подготовку практически ориентированного, достаточно компетентного специалиста аграрного сектора.

Л. Я. Аминова

ЖЕНСКИЕ МЕКТЕБЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БАШКИРИИ

Стремление получить образование у мусульманских народов всегда было достаточно сильным. Это выглядело вполне естественным, учитывая то, что в Коране содержатся многократные призывы к учению, которое должно было сопровождать всю жизнь человека: «Мудрость – цель верующего и он должен искать ее, где бы не находился ее источник», «Аллах облегчает дорогу в рай тем, кто ищет уче-

ния», «Поиски учения – долг, возложенный на каждого мусульманина, мужчину и женщину» и др. Следуя этому, каждая мусульманская мечеть в прежние века была скорее школой, чем мечетью. В ней несколько минут тратилось на молитвы, а все остальные часы шли на обучение. Обучение являлось основной работой мечетей, и их двери всегда были открыты для всех: молодых и старых, женщин и девушек. Святость мечети в глазах мусульман вытекала именно из того, что она была школой.

В конце XIX в. этнограф Д. Н. Никольский говорил о том, что мусульманские народы Башкирии считали своим долгом обучать детей. «Башкиры и татары – писал он, – значительно опередили нас в школьном деле, – у них одна школа находится на 1 000 жителей; в школах обучается 79% детей школьного возраста мужского пола и 51% женского пола; а у русских в том же Осинском уезде одно начальное училище приходится на 4 398 человек жителей и в училищах обучается только 36,4% детей мужского пола и 9,2% детей школьного возраста женского пола». Объяснить такое развитие грамотности между мусульманами можно тем, что мусульманское духовенство, в обязанности которого вменялось обучение детей, ревностно относилось к своему делу и не было «мечети, где бы мулла не обучал не только детей, но и взрослых... А где мечети нет, то школа помещается в доме муллы или дети учатся у своих родителей, если те грамотны, или у старика грамотея, к которому бегают и мальчики, и девочки».

В это же время один из чиновников Уфимского губернского правления, краевед М. В. Лоссиевский писал: «Мектебы и медресе рассеяны повсюду, где есть башкирское или татарское население; редкая деревня не имеет своей мечети, а где мечеть, значит – там есть мулла, там и мектебе, и медресе».

О многовековых традициях национального образования высказывался известный востоковед А. З. Валиди Тоган. В «Воспоминаниях» он пишет о своих родителях как о высоконравственных и образованных людях, владевших в совершенстве несколькими языками, и обладавших широким кругозором. С горечью он отмечает, что его родителей, как и других приверженцев ислама, большевики ославили на весь мир, представив как безграмотных и малокультурных людей: «...они мол, не умели ни читать, ни писать, это мы научили их этому». В первые годы советской власти наряду с разрушением и сожжением мечетей по всей стране были ликвидированы практически все мектебы и медресе, без следа исчезли ценнейшие библиотеки этих учебных заведений, порой хранившие редчайшие старопечатные и старинные рукописные книги. В итоге национальная система мусульманского образования, просуществовавшая в Башкирии не одно столетие, была полностью уничтожена.

История возникновения мектебов и медресе в Башкирии начинается с XVI в. К этому времени сложились все необходимые условия для зарождения среди местного населения такого социального института как школа. В башкирском обществе утвердились феодальные отношения, в основном завершилось образование башкирской народности, начался переход к оседлому образу жизни. До начала XVIII в. по-

стоянно действующих мусульманских школ было немного, так как была ограниченной потребность в книжном обучении. С конца XVIII в. количество мектебов и медресе стало быстро увеличиваться. Устраивались эти учебные заведения обычно при мечети или вблизи нее. Учителем чаще всего был мулла. В мектебах не было деления на классы; не существовало единства программ и учебников; не было и определенного времени для приема новых учеников, так как с каждым учеником учитель занимался отдельно. Учебно-воспитательная деятельность мектебов старого типа имела религиозную направленность. По курсу они были на уровне русских церковно-приходских школ и школ грамоты, некоторые соответствовали одноклассным училищам. В мектебах и медресе обучались грамоте тысячи детей. Эти учебные заведения удовлетворяли потребности башкир и татар в образовании и прочно вошли в их быт. Благодаря их деятельности в первой половине XIX в. Башкирия превратилась в один из центров мусульманского образования на российском Востоке.

В женских мектебах вплоть до начала XX в. изучались только религиозные книги на арабском языке. Их содержание заучивалось наизусть. Обучение письму считалось излишним. Постепенно положение женских мектебов, особенно в городах, улучшалось. Для них выделялись специальные помещения и элементарное школьное оборудование. В учебных заведениях была введена классно-урочная система, обучение стало проводиться в соответствии с учебным планом. Женские мектебы по курсу обучения стали разделяться на иптидаи (начальные классы – 1–4), рушди (высшие начальные классы – 5–8). В городах в отдельных мектебах открывался и 9-й класс (игдадия).

Новометодные женские школы в Башкирии начинают открываться после революции 1905 г. Так, в 1906 г. в Стерлитамаке была открыта частная женская мусульманская новометодная школа. Под школу был выделен специальный дом и назначена мугаллима (учительница). В школе обучалось около 100 девочек. Подобные школы были открыты в Уфе и в других городах.

По статистике в Уфимской губернии на 1 января 1914 г. насчитывалось 1386 мектебов и медресе. Причем, количество мектебов значительно превосходило количество медресе. Редкая татарская или башкирская деревня не имела мектеба. Там же где он отсутствовал, по инициативе населения, организовывались домашние пункты обучения: башкирские и татарские девочки посещали дом муллы и обучались женами мулл (абыстай). Школьной мебели не было. Ученицы были разного возраста, с каждой из которых занимались отдельно. Учебный год начинался поздно осенью и оканчивался ранней весной. За обучение девочек родители платили садака (приношение). Дочери бедных родителей помогали учительнице по дому: носили воду, мыли полы, кормили скот, ухаживали за детьми. В таком мектебе ученицы занимались, главным образом, чтением и зубрежкой молитв. Обучение проводилось по буквослагательному методу на арабском языке. Большое внимание уделялось изучению книги «Мухаммадия», посвященной жизни и деятельности Мухаммеда.

В 1914 г. в Уфимской губернии было зарегистрировано 1045 пунктов домашнего обучения, в том числе мужских – 98, женских – 605, смешанных – 342. Это было свидетельством огромного желания женского населения края получать образование.

К началу XX в. все мектебы делились на следующие типы: мужские (68,3%), женские (22%) и смешанные (9,7%). Большее количество женских школ было учреждено духовными лицами – имамами. Объясняется это тем, что избравшиеся в муллы лица по обычаю перед вступлением в должность давали обещание приходу не только исполнять религиозные обряды, но и обучать детей грамоте и канонам веры. Верующие, в свою очередь, обещали оказывать им за это материальную помощь в виде «закят» (1/40 части имущества) и «гешер» (1/10 урожая хлеба).

В 1911 г. наибольшее число профессиональных школ – почти 3/4 всех школ Оренбургского учебного округа, находилось в Уфимской губернии. Число обучающихся девочек в губернии было невелико (девочек – 7749, мальчиков – 45541). Тем не менее, это количество значительно превосходило число обучающихся девочек-магометанок других губерний и областей (по сравнению с Оренбургской и Пермской губерниями в 3 с лишним раза, с Уральской областью – в 103, с Тургайской областью – в 121 раз).

Накануне I Мировой войны только в Уфе насчитывалось 9 женских мектебов (мужских – 4). Два женских мектеба были повышенного типа; их выпускницы работали в новометодных школах Уфимской губернии и считались лучшими педагогами. К 1916 г. в Уфе существовало 10 женских мектебов, в том числе 7 мектебов начальных и 3 мектеба среднего типа.

Правительство не оказывало никакой материальной поддержки мектебам. И как следствие, мектебы терпели крайнюю нужду: не было достаточного количества помещений, подготовленных учителей, учебных пособий. Несмотря на все эти отрицательные моменты, определенные положительные сдвиги были: религиозная схоластика отходили на второй план, в мектебах внедрялись светские предметы, обучение велось на родном языке. Они теряли свое феодально-элитарное, религиозное направление, демократизировались, приобретали светский характер. Сведения же о сравнительно широкой распространенности грамоты среди татаро-башкирского женского населения подтверждаются данными первой отечественной всеобщей переписи населения 1897 г. Так, например, в Уфимской губернии 15,5% башкирок и 16,7% татарок умели читать и писать. Количество русских женщин, умеющих читать и писать, составлял всего лишь 8,1%, что было практически в 2 раза меньше татаро-башкирской части населения. Самый низкий процент умеющих читать и писать составляли марийки – 0,3% и удмуртки – 0,2%. Таким образом, татарки и башкирки были в несколько раз грамотнее женщин других этнических групп. После Октябрьской революции наблюдался спад уровня грамотности коренных жителей края. Это объяснялось, главным образом, закрытием традиционных мусульманских школ.